

Даль памяти

К книге Бориса Машука «Горькие шанежки»
(Благовещенск, 2006)

Писать о творчестве Бориса Машука — значит пытаться состязаться с ним самим, неповторимым и неутомимым рассказчиком, чья устная речь щедро была пересыпана меткими народными словечками, порой весьма крепкого посола, сдобрена хлесткими сравнениями, выстроена по образцу классического русского рассказа, порой сказочного, порой загрубленно бытового, почти анекдотичного.

Книжка, которую вы держите в руках, навевает мне воспоминания не столько о сюжетах включенных в нее рассказов, сколько о самом ее создателе. Наша дружба на протяжении последних двадцати пяти лет его жизни дает мне право вспомнить некоторые детали, которые помогут вам при чтении книги «Горькие шанежки» ощутить атмосферу, в которой она создавалась. Подышать, так сказать, воздухом минувшего времени — свежим, по-морозному ядреным и по-летнему духовитым.

Сходим вместе, повторяя название первого рассказа, «за кислицей-травой» памяти. Вы никогда не жевали в детстве до голодной оскомины зеленоватых мясистых, коленчатых трубчатых стеблей этого дальневосточного растения? Если можно определять книжку на вкус, то это и будет основной — терпкий, горьковато-соленый, с дресвяными волоконцами, которые годятся в пищу от силы неделю-другую своего весеннего роста. Кислицей нельзя насытиться, но временно перебить голод возможно. Подножный корм к тому же, как оказалось впоследствии, весьма экологически чистый продукт. Ни тебе холестерина не содержит, ни вредных нитратов. Сплошные витамины! Особенно если в кармане мальчишечьих штанов завалялась корочка черствого хлеба-черняшки, который ощути-мо восполнял калорийный баланс.

Писались рассказы эти в семидесятые годы минувшего века. И хотя Борис Машук получил к той поре не только дальневосточную, но и всесоюзную известность благодаря ранее напечатанным его книгам «В тайны сердца», «Сполохи» и «Трудные километры», но глав-

ными своими произведениями он считал именно вот эти рассказы о военном детстве. В них он без остатка растворялся душевно, удивительным образом внедряясь и телесно в строчки зарисовок, диалогов, портретных набросков и чеканных характеристик.

Помню, работа над книгой была в самом разгаре. Машук принес мне в литературную редакцию Амурского радиокомитета, где я тогда служил, очередной новый рассказ. Он вытащил из портфеля полтора десятка листков, отпечатанных им собственноручно аккуратнейшим образом на пишущей машинке.

— Вот послушай, чего я тут натворил, — сказал он словно бы извиняющимся тоном.

Я с охотой отодвинул рутинные журналистские бумажки в сторону, расчищая место для рукописи, которую планировал передавать в эфир.

Борис уселся у окна поближе к скупому зимнему солнышку, чертившему низкую январскую траекторию над городскими крышами. Откашлявшись с мороза, он начал своим характерным чуть хрипловатым голосом:

— «Весну сорок третьего года ждали все с нетерпением: уж больно круто обходилась с людьми зима...»

Неторопко и обстоятельно, по-машуковски вдумчиво и живописно, ткалась канва истории о том, как подростку Ленке подфартило во время прохождения мимо таежного полустанка воинского эшелона, отправлявшегося на фронт. Матрос в поварском колпаке сбросил мальчишке голову здоровенной кетины. Как и что происходило дальше, прочтете сами. Скажу лишь о том, что меня поразило особо и, как оказалось, на всю жизнь.

Борис дочитывал уже финал рассказа. Он настолько расчувствовался, что голос его сорвался на полусшепот, а на глаза навернулись крупные слезы, как и у Ленки, когда он собирался поделиться сваренной матерью ухой со своими дружками. Щедрость вечно впроголодь существующего мальчика обдала такой волной и гордости, и жалости, что и у меня что-то защипало в носу и глазах.

«Над вымыслом слезами обольюсь», — сказал в минуту откровения Пушкин. А тут ведь и не вымысел, гольная правда опаленных войною детских лет. Борис достал платок, утер слезинки.

В это самое время в дверь без стука заглянули два человека. Один — журналист-телевизионщик, музыкант-саксофонист Арон, а лицо другого известно нам не было. Пронырливые посетители не

Писатель Б. А. Машук среди читателей, 1980-е гг.

смуглились увиденной картиной, с места в карьер стали говорить о своих делах, предлагать стихи и требовать повышенного гонорара. Так и хотелось воскликнуть, как сделал горьковский Сатин: «Эх, испортил песню!...»

Борис хмуро взглянул на Арона: «Кого ты это привел?»

Саксофонист оживился: «Как, вы не знакомы? Это же известный московский поэт Володя Луговой! Член Союза писателей».

На что Машук обронил фразу, которая и сейчас звучит у меня в ушах: «Поэта Владимира Луговского знаю, прекрасные стихи писал. Он без стука в двери не ломился, уверен. Профессор Литинститута воспитанным был человеком. А Лугового впервые вижу...»

И аромат рыбного супа сдобрила вновь горчинка кислики-травы...

Двадцать восемь лет назад в Хабаровском книжном издательстве вышла в свет книга Бориса Машука «Горькие шанежки». Потом она была отмечена Всесоюзной премией на литературном конкурсе в честь сорокалетия Победы и перепечатана с прекрасными иллюстрациями в издательстве «Детская литература». На экземпляре, подаренном моим дочерям, Борис Андреевич надписал своим таинственным

и замысловатым почерком: «Ларисе и Нине с острым желанием неповторения детства героев этой книжки. Счастья вам, дети!»

Давно уже прочитали подаренные рассказы дяди Бори мои дочки, выросли и передали книгу своим сыновьям и дочерям. А кто не читал еще, отправляйтесь вместе с писателем в даль памяти, на таежный амурский железнодорожный полустанок. Дальневосточные печенюшки-шанежки хотя и названы Борисом Машуком «горькими», но именно они спасли тела и души тех, кто вкусил однажды их неповторимость.